

Аэлла захныкала и завизжала, когда большая рука Гарри уверенно опустилась на ее и без того пунцовую задницу. Каким-то образом ему удавалось находить каждое больное место с безошибочной точностью каждый раз, когда его рука опускалась. Это было ее "наказанием" за то, что она проболталась о том, чтобы сказать ему просто обнародовать все, когда они впервые рассказали ей и Эдмунду правду. Очевидно, он собирался провести в собачьей будке с ее младшим сыном "довольно долгое время". Аэлла сильно подозревала, что это продлится до конца ночи, если Астория вообще сможет продержаться так долго. Первый жесткий трах, который Гарри ей устроил, первый раз, когда он заставил ее почувствовать себя покорной, и Астория сразу же вернется к своему обычному состоянию.

В то же время Астория вела себя очень похоже на разочарованную и упрямую ведьму, которая определенно все еще существовала и выходила чаще всего ни для кого, кроме Гарри, Дафны или Нарциссы. Даже они все еще имели дело с этой ее стороной чаще, чем могло бы подумать большинство посторонних, помимо секса, и Аэлла подумала, что ее младшая сейчас может быть еще более упрямой и требовательной, чем она была, когда была Малфоем. Эти черты просто не были выражены в той плохой манере, в какой они были так долго, и это делало их чертами, которыми Аэлла гордилась, видя проявление своей дочери. Она была уверена, что любовники Астории чувствовали то же самое.

Остальные были прямо по соседству, буквально вместе на кухне, и ждали, когда ужин будет закончен и подан. Они слушали, как Гарри шлепал ее и ругал на протяжении всего этого, потому что он просто вошел и сказал ей следовать за ним. С таким же успехом он мог утащить ее с собой в гостиную и не потрудился запереть или закрыть дверь. Это было, без всякой тени сомнения, самое унижительное, что она когда-либо испытывала. Это был следующий шаг вперед, поскольку ее ситуация стала менее фрагментированной, как она и предполагала в какой-то момент.

Гарри вошел в комнату вместе с Асторией, которая превратилась из очень расстроенной прямо в конце встречи в довольно расстроенную только после того, как вернулась с их беседы. Это только подтверждало теорию Аэллы о том, что она не сможет дожить до конца ночи со своим гневом. Как только он закончил с ее младшим, он повернулся к Аэлле и перед тремя своими любовниками, ее мужем и Флер, твердо сказал ей пойти с ним. Он сказал ей, что они немедленно разберутся с ее поведением, так как у них не будет времени сделать это позже ночью или на следующий день.

Вместо того чтобы протестовать, Эдмунд так сильно рассмеялся, что чуть не заплакал. Хихиканье и смешки Астории, а также насмешки Нарциссы и Дафны были почти ожидаемы, но Флер, дразнящая ее тем, что, если Гарри понадобится сунуть нос в угол, вейла позаботится о том, чтобы ее муж не скучал по ней, не ожидалась. Эдмунд смеялся еще громче, а остальные присоединились к нему, и этого было достаточно. Но затем Эдмунд страстно поцеловал Флер и велел ей вести себя совсем другим тоном, чем тот дисциплинарный, который использовал с ней Гарри, заставив ее желудок сжаться от унижения. У нее действительно потеки начали стекать по ногам от того, насколько она была возбуждена, когда Гарри провел ее через дверь и закрыл ее за собой, а все по другую сторону все еще смеялись и шутили о ее предстоящей дисциплине.

Все стало бесконечно хуже всего через несколько мгновений после того, как она вошла в комнату, и это была полностью ее собственная глупая вина. Гарри громко рассмеялся, когда обернулся и увидел, что она сделала, и он был таким же громким, когда говорил об этом.

"Я не помню, чтобы говорил тебе раздеться только до твоей короткой юбочки", - сказал он более чем достаточно громко, чтобы его голос донесся до всех по другую сторону двери. "Но так как ты уже сняла блузку и лифчик, ты можешь просто пойти дальше и не снимать их.

После твоей порки, пока ты будешь прятать свой нос в углу в другой комнате и ждать, пока подадут ужин, я подумаю, позволю ли я тебе снова их надеть”.

“Это, безусловно, было бы зрелище, на которое стоило бы посмотреть!” - сказал Эдмунд снаружи, и его голос звучал так весело, как она никогда не могла припомнить, чтобы слышала его. “Может быть, это действительно окажет положительное влияние на ее поведение”. Она знала, что ее судьба была решена этим замечанием, и Эдмунд, без сомнения, тоже это знал. Он также прекрасно знал, что если его заставят прийти на ужин голым, это вызовет ее более развратные фантазии, и она была уверена, что именно поэтому он это сказал.

“Если бы только вы не вырвали нашу дискуссию из контекста, чтобы у меня были проблемы с вашей дочерью, и вместо этого объяснили это должным образом, у меня не было бы с этим никаких проблем”, - сказал Гарри, закончив со своей рукой. “Но ты просто должен был попытаться быть дерзким. Это привычка, которую мне придется научить тебя не брать с собой. Или, если ничего другого, мне нужно показать вам последствия, которые последуют за этим, если вы это сделаете”.

Он потер пальцами ее клитор, и она знала, что он видит, как ей трудно бороться с тем, чтобы отчаянно не застонать. Он рассмеялся, на этот раз достаточно тихо, чтобы смех, скорее всего, не разнесся за пределы комнаты.

“Ты готова кричать от удовольствия достаточно громко, чтобы все они услышали?” он спросил. “Мне нужно будет только использовать свои пальцы, чтобы сделать это”. Она дико покачала головой, и он предложил ей свои пальцы, с которых капало ее возбуждение. Аэлла нетерпеливо облизала его пальцы дочиста. Затем он наколдовал расческу, похожую на ту, которой он обычно пользовался.

“Это не настоящая вещь, но она окажет такое же воздействие”, - сказал он, а затем начал шлепать ее этим. После пятнадцати ударов она сделала все возможное, чтобы умолять его остановиться сквозь ее визги и рыдания.

“Я буду хорошей девочкой!” - пообещала она, но это было встречено еще тремя ударами. “Пожалуйста, я сделаю все, что угодно!” Гарри дал ей еще два шлепка, прежде чем наложить амортизирующее заклинание на пол, окружающий его ноги. Он рывком поднял ее, раздвинул ноги и откинулся назад, ухмыляясь ей, продолжая держать расческу в руке. Она знала, чего он хотел.

“Я не должна”, - пробормотала она.

“Ты обещала все, что угодно”, - напомнил он ей, подражая ее спокойному тону. “Но знаешь что, почему бы тебе не спросить разрешения вежливо и ясно, просто чтобы я был уверен в том, что ты решил? Или я могу вернуться к тому, чтобы отшлепать тебя, если ты так предпочитаешь.”

Она опустила на колени, бросив на него умоляющий взгляд. Но, поняв, что он не сдвинется с места, и это действительно должно было произойти, что Гарри ясно осознал, насколько возбуждающим она это находит, а также то, что у Эдмунда не было с этим проблем, она сдалась.

“Могу я, пожалуйста, пососать твой член в обмен на меньшее количество шлепков?” - спросила она. Смех, донесшийся из-за двери, был громче, чем когда-либо, подтверждая, что никто не был расстроен. Она не думала, что они даже удивились.

“Тогда продолжай”, ” сказал Гарри. “Убедитесь, что вы тоже хорошо справляетесь с этим. Здесь я веду себя довольно великодушно.”

Ее руки так дрожали, что она изо всех сил пыталась освободить его, но как только она вытащила его член, она попыталась хорошо поработать, как он и советовал. Однако через несколько минут это отошло на второй план, поскольку Гарри, очевидно, решил, что хочет большего, чем она ему дает, и взял дело в свои руки. Более буквально он взял свои волосы в ее руки и вонзил свой член ей в горло. Ее рвало и булькало вокруг его массивного члена, и это вызвало еще больше смеха и замечаний, сделанных на ее счет за дверью.

Гарри контролировал темп с этого момента, подвергая ее безжалостному, грубому траханию в лицо. Тем не менее, это было не на более высоком уровне того, что он дал ей с точки зрения грубости, не говоря уже о том, что пришлось пережить трем его любовникам. Но по-настоящему ее задело не физическое страдание от того, что он держал ее на дне. Хуже всего были издаваемые ею звуки, которые на этот раз показались ей оглушительными. Они наполняли ее уши и должны были быть громкими даже для ушей тех, кто шутил о ней снаружи. Все, что она могла слышать, были звуки того, как она давилась вокруг его члена, и Гарри позаботился о том, чтобы эти звуки продолжались, ускоряясь, а не отступая, когда ее тело заставило ее издать рвотный звук протеста. Конечным результатом было то, что она звучала как самая большая шлюха, какую только можно было найти, по крайней мере, для ее ушей.

Она действительно задавалась вопросом, будет ли, когда ей наконец разрешат проверить, лужа между ее ног будет равна по размеру той, что образовалась от ее смешанной слюны и слез под ее лицом и его членом. То, что это будет там, было очевидно по тому, как она чувствовала, как ее возбуждение стекает по ногам. Вопрос только в том, насколько он будет велик.

Он постучал пальцем по ее лицу, и она покраснела, но не отвела взгляда. Он снова позволил ей взять себя в руки, бросив на нее выжидающий взгляд, и Аэлла принялась за работу. Ее язык дико работал над ним, пытаясь прикончить его, и он застонал, когда она выложились полностью. Ее язык работал сверхурочно, пока он не был готов взорваться, после чего она вытащила его член изо рта и кончила ему на лицо.

“Ты проделал достаточно приемлемую работу”, - сказал он, приводя себя в порядок и исчезая с наколдованной расческой для волос. “Я думаю, ты усвоил свой урок”.

“Спасибо, что позволил мне заслужить твою милость”, ” сказала она. Он усмехнулся и покачал головой.

“Может быть, милосердие от остальной расчески, - сказал он, - но тебе придется подождать, пока подадут ужин, чтобы снова надеть блузку”. Она открыла рот, чтобы возразить, но он сразу же покачал головой. “Никаких жалоб. Это ты сняла его, когда я только собирался задрать твою юбку, чтобы отшлепать тебя, глупая ты штучка. И если уж на то пошло, тебе тоже придется ходить без трусиков, так как ты их тоже сняла, что было еще более бесстыдным поступком.”

Он крепко держал ее за руку, чтобы вывести из комнаты и привести на место для следующей части наказания. Все ухмылялись ей, но Гарри не обращал на них внимания. Он вел себя так, как будто это было совершенно нормальное поведение, как будто она не была топless, не ходила без нижнего белья и не была женой другого мужчины в комнате. Она опустила свое покрасневшее лицо, чтобы не видеть ухмылки группы.

Она смутно слышала, как Нарцисса похвалила ее за шоу, которое она устраивала, но Аэлла

чувствовала легкое головокружение и едва понимала все, что говорила она или кто-либо другой. Она промокла между бедер и была так унижена, как никогда не могла вспомнить, когда этот молодой человек, который не был ее мужем, который только что отшлепал ее, пока она не поклялась быть хорошей девочкой и не попросила отсосать его член, пока ее муж слушал и смеялся, отвел ее в свой угол на глазах у всех. Он наклонил ее, демонстрируя всем остальным, насколько она была возбуждена и насколько красной была ее задница.

“Прижмись носом к стене, пока тебе не скажут иначе”, - приказал он. Он также приподнял юбку, чтобы сделать обзор еще лучше для ее зрителей, затем промурлыкал и заставил ее придержать свои трусики на месте всего за одну из крошечных ниточек. “Вот. Это даст мне знать, если ты уедешь.” Это вызвало такой громкий смех, что у нее прямо-таки зазвенело в ушах.

“Похоже, она разогрелась на потом”, - сказала Флер, хихикая. “Возможно, нам придется убедиться, что на полу нет пятен”. Аэлла могла бы свернуться калачиком и умереть при этом, или раздвинуть ноги шире и потереться до почти мгновенного оргазма. Возможно, и то, и другое.

“О, она очень разогрелась”, - сказал Эдмунд, смеясь. “Но вы, возможно, захотите быть осторожным с подобными комментариями о ней, когда ее только что отшлепали за игру с огнем. Это немного нагло, вы не находите?” Флер заскулила, и это заставило Дафну, Асторию и Нарциссу рассмеяться. Прежде чем кто-либо еще успел что-то сказать, Гарри заговорил, хотя смотрел он скорее на Нарциссу, чем на Аэлла.

“Вверх”, - просто сказал он. Нарцисса, казалось, понимала, но это не мешало ей скулить. “Я все еще зол на тебя за то, что ты следил за мной. Сказать, что я раздражен, на самом деле было бы преуменьшением, даже если я также испытываю огромное облегчение от того, что ты в безопасности. Теперь вставай.”

“Похоже, властное отношение Нарциссы - это просто притворство”, - сказал Эдмунд сквозь смех Флер. “Она знает свое место, когда дело доходит до этого”.

“Она всегда говорит о большой игре”, - усмехнулась Дафна. “И она часто поддерживает это с определенными людьми”. Астория хихикнула над этим, и, будучи в какой-то степени вовлеченной в их сексуальную жизнь, Аэлла поняла почему. “Но это относится ко всем нам с Гарри”. Хихиканье Астории усилилось при этих словах.

“Я не собираюсь читать тебе нотации, так как знаю, что это все равно было бы бессмысленно”, - услышала Аэлла, как Гарри сказал Нарциссе после того, как дверь закрылась. Затем она услышала, как Нарцисса визжит и визжит, когда началось ее наказание. В какой-то момент они перешли на рыдания, и Аэлле показалось, что она услышала звон ремня.

Хотя она не могла их видеть, Аэлла почти чувствовала волнение тех, кто был в комнате, когда Нарцисса принимала свое наказание. Это был опыт Флер, когда она видела, как выглядит дисциплина со стороны Гарри, и Аэлла знала, что ее муж будет готов трахнуть ее насквозь, когда она закончит, точно так же, как он всегда был, когда она приходила с малиновой задницей.

“С моей стороны было бы нечестно ставить нос Аэллы в угол, а не твой”, - сказал Гарри. “Также было бы несправедливо, если бы один из вас был топлесс, а другой одет”.

“Я не снимала топ сама”, - слабо сказала Нарцисса, как будто знала, что это бесполезно, но все равно должна была попробовать.

“Я тоже не помню, чтобы ты предлагал “заслужить” какое-либо милосердие”, - сказал Гарри, что было похоже на еще одну маленькую насмешку Аэллы.

“Я так и сделаю”, - быстро сказала Нарцисса. “Я это заслужу”.

“О нет”, - сказал он, смеясь. “Теперь уже слишком поздно”.

“Ну тогда ладно”, - сказала Нарцисса. “У меня нет никаких проблем с тем, как я выгляжу. Это зависит от вас, хотите ли вы показать меня таким”.

“Это была слабая попытка обратить все против меня”, - сказал он, смеясь. “Тогда продолжай, раз ты так счастлива это сделать. И если ты чувствуешь себя действительно уверенно, то можешь даже снять эти крошечные трусики”.

Всхлипы Нарциссы доносились до тех пор, пока дверь не открылась, и Аэлла услышала, как ее муж пробормотал “Мерлин” примерно в то же время, когда Флер сказала “боже мой”.

“Ты действительно хорошо выглядишь”, - сказала Дафна, и ответный вой Нарциссы стал громче для ушей Аэллы, когда Гарри повел блондинку к ней. Он усадил Нарциссу в ближайший к ней угол, заставив ее тоже наклониться. Казалось, ей разрешили оставить свои крошечные трусики, хотя, в отличие от Аэллы, которая разделась, даже не подумав.

“Я придумал для тебя идеальный рождественский подарок”, - сказал Эдмунд.

“Хотите одну пару или две?” Флер ответила.

“О, определенно два”, - сказал Эдмунд. “Аэлле нужна пара таких. Я удивлен, что она еще не попросила пару.”

“Если тебе повезет, возможно”, - сказала Флер, хихикая. “Это довольно смелая просьба после знакомства в течение такого короткого периода времени, вам не кажется?”

“Что я могу сказать? В последнее время я чувствую себя счастливым”, - сказал Эдмунд. “И я думаю, Аэлле понравилось бы, если бы вы двое подошли друг другу”. Дафна застонала и пробормотала что-то Гарри, что Аэлла не смогла разобрать, когда Эдмунд и Флер поцеловались.

“О, правда?” - спросила Флер.

“Хорошо, хорошо”, - пробормотала Дафна. “Просто, по крайней мере, не снимай с него одежду, даже если никто другой, похоже, не в состоянии”. Это вызвало громкий смех, и даже Аэлле пришлось немного хихикнуть.

В конце концов еда была подана, но это не означало конца унижению Аэллы и Нарциссы. Две покрасневшие женщины подошли к столу, и Гарри перехватил Нарциссу, прежде чем она успела сесть.

“Я еще не говорил тебе одеваться”, - сказал он. “Убедись, что лорд Гринграсс хорошо все разглядел, чтобы он мог принять обоснованное решение”. Все тело Нарциссы покраснело от смущения, но она повернулась к Эдмунду и наклонилась вперед, чтобы показать ему свои груди и проколотые соски.

“Теперь ты можешь одеться”, - сказал Гарри, глядя на Аэлла. “Ты уже достаточно наказан”.

Она склонила голову и оделась, когда Гарри занял пустое место за столом между ее дочерьми, обе из которых хихикали над шоу. "Ты можешь сделать то же самое, как только лорд Гринграсс даст тебе разрешение, Нарцисса". Эдмунд оттянул момент, и Аэлла с интересом наблюдала за этим, радуясь, что ее муж воспользовался возможностью помучить Нарциссу. Она определенно была той, кому больше всего хотелось нажимать на свои кнопки (и Аэлла, конечно, любила каждый момент этого).

"Что ты думаешь, Флер?" - спросил Эдмунд. "Они тебе нравятся?"

"О да, очень", - сказала Флер, хихикая почти так же громко, как Дафна и Астория.

Эдмунд медленно кивнул. "Спасибо за приятное представление, леди Блэк", - сказал он наконец. Нарцисса поспешила сесть Гарри на колени и уткнуться лицом в его шею, как будто не он был тем, кто все это устроил с самого начала.

"Знаешь, ты все еще топлесс", - заметила Дафна через несколько мгновений. Нарцисса быстро оделась, явно покраснев, но при этом осталась сидеть на коленях у Гарри. В тот момент она очень походила на немного более взрослую и пышную версию Астории: покорную, смущенную и невероятно возбужденную, отчаянно цепляющуюся за него, как это часто делала Астория.

"Знаешь, ты самая сексуальная штучка, которую я когда-либо видел", - прошептал Эдмунд на ухо Аэлле. "Я собираюсь терзать тебя всю ночь напролет, как только мы закончим есть".

"Я никогда в жизни не была так взволнована, клянусь", - добавила Флер с другой стороны. Аэлла посмотрела через стол и увидела, как Дафна и Астория смотрят на Гарри с Нарциссой у него на коленях, и она была уверена, что они вели похожий разговор шепотом на той стороне стола.

<http://tl.rulate.ru/book/3342/79494>